

Карета Сыту не остановилась в городе, а сразу направилась к горе Журавлиного Крика.

Цзинь Сиюнь разослала в общей сложности десять приглашений, то есть на этот раз свататься приехало десять человек. Эти десять человек были одними из самых выдающихся молодых героев современности, их статус и положение были исключительными. Цзинь Хэмин разместил их в отдельном дворе Усадьбы Журавлиного Крика, расположенном на середине склона горы.

Как только люди Сыту остановились у входа в отдельный двор, с противоположной стороны горной дороги подъехала другая группа карет и остановилась напротив.

Впереди шёл мужчина лет тридцати в зелёном халате и роскошной одежде. Его внешность была суровой, и он излучал авторитет.

Он сошёл с лошади, увидел Сыту, который также выходил из кареты, и слегка улыбнулся, затем махнул рукой своим подчинённым.

Его люди, стоявшие позади, все сошли с лошадей и подошли к карете, встав на колени.

Занавеска кареты была откинута, и старый евнух с седыми волосами помог выйти молодому человеку лет двадцати с болезненным видом.

Сыту внутренне усмехнулся. Это был второй принц Чэньцзи, единственный сын нынешнего императора. Он выглядел так, будто был на грани смерти. Лицо Чэньцзи было бледным, он сгорбился, сделал несколько шагов, уже запыхался... Сможет ли он прожить ещё полгода?!

Говорили, что нынешний император тоже был больным, проводя дни в глубоком дворце, едва держась на плаву.

Империя внутри держалась лишь благодаря младшему брату императора, князю Жуй Юань Цзину, а снаружи — благодаря главнокомандующему Ци И, шурина императора... Все знали, что как только нынешний император умрёт, князь Жуй и Ци И начнут борьбу за власть. Сейчас обе стороны активно готовятся, а второй принц Чэньцзи... был всего лишь марионеткой.

Как только обе группы прибыли, ворота отдельного двора сразу же открылись, и вышел Цзинь Хэмин, который уже ждал их.

Цзинь Хэмин выглядел лет на сорок, был бодр и излучал радость.

Сыту внимательно посмотрел на него и подумал: «Старый лис».

После того как все обменялись приветствиями, Цзинь Хэмин уже хотел пригласить их внутрь, но Сыту повернулся, слегка откинул занавеску кареты и протянул руку внутрь, словно

собираясь помочь кому-то выйти.

Все с любопытством устремили взгляды на карету, задаваясь вопросом, кто же это такой, что знаменитый глава банды Сыту так заботится о нём...

Хуан Баньсянь внутри кареты почувствовал, что атмосфера изменилась, и понял, что Сыту намеренно использует его, чтобы произвести впечатление. Разве это не приведёт к его гибели...

Он колебался, но увидел, как взгляд Сыту стал жёстким, хотя на лице всё ещё была улыбка. Сыту мягко, но непреклонно произнёс одно слово:

— Выходи!

Хуан Баньсянь, не имея выбора, протянул руку, и Сыту вытащил его наружу.

Все сначала увидели руку, белую и худую — не женскую, но для мужчины слишком маленькую. Может быть, это подросток...

И действительно, под руководством Сыту из кареты вышел худощавый юноша в белой одежде.

Юноше было около шестнадцати-семнадцати лет, с приятной внешностью. Хотя на нём не было традиционного наряда учёного, в нём чувствовалась некая аура небожителя. Все застыли, не понимая, когда в мире боевых искусств появилась такая личность, или, может быть, это был кто-то из родственников Сыту?

В этот момент князь Жуй тихо засмеялся и сказал:

— О, это же господин Хуан. Вы в прошлый раз ушли, не попрощавшись, и я долго вас искал!

Хуан Баньсянь не осмелился поднять глаза на князя Жуй. Он видел этого мужчину лишь однажды, когда тот схватил его и пытался заставить служить. Ему с трудом удалось сбежать... Он не знал, зачем князь Жуй так упорно пытался его поймать. Хотя они почти не разговаривали, он чувствовал, что князь Жуй был как змея — холодный и зловещий. Когда их взгляды встречались, Хуан Баньсянь чувствовал себя неловко.

— Э-э... Кто этот молодой человек? — Цзинь Хэмин, увидев, что и Сыту, и князь Жуй проявляют к юноше уважение, не мог не заинтересоваться его личностью.

— Господин Цзинь, вы его не видели, но наверняка слышали! — Сыту громко рассмеялся. — Это не кто иной, как живой небожитель Хуан Баньсянь, способный предсказать небесные катаклизмы и проникнуть в тайны небес.

Сыту всегда считал, что жизнь — это спектакль. Независимо от того, смотрит кто-то или нет, актёр должен играть свою роль на все сто. Если ты играешь Цао Цао, ты должен быть злым и коварным. Если ты вдруг решишь сыграть Лю Бэя, это будет нелепо.

С самого рождения он не был хорошим человеком. В десять лет он научился убивать и вошёл в мир боевых искусств.

Мир боевых искусств был для него просто большой сценой. Сегодня ты играешь хорошо, и тебе аплодируют. Завтра кто-то играет лучше, и ты уходишь. Через пару дней никто уже не будет помнить тебя... Такова судьба актёра.

Когда он вытащил Хуан Баньсяня из кареты, он с удовольствием наблюдал за реакцией окружающих. Будь ты членом императорской семьи или богатым помещиком, в глазах каждого на мгновение появлялась зависть и досада... И он чувствовал себя прекрасно. Что именно его радовало, он сам не мог объяснить.

Однако худоба и холод руки, которую он держал, передавались через ладонь. Лёгкая дрожь, словно от холода...

Почти инстинктивно, не задумываясь, Сыту подтянул юношу к себе, положил руки на его плечи, словно давая опору этому дрожащему телу, или как будто заявляя, что в этом месте, под его руками, была абсолютная безопасность.

Но Сыту не подумал, что спектакль легко может стать реальностью. Его лёгкое движение не только втянуло других в спектакль, но и затянуло его самого.

Тот, кто вошёл в спектакль, может выйти только тогда, когда перестанут бить барабаны, когда сцена рухнет, когда зрители устанут, а актёры потеряют интерес...

Хуан Баньсянь был не таким, как Сыту. С первого шага из кареты он понял, что вступил в мир боевых искусств, и с этого момента ему суждено было оказаться в центре событий. Три года испытаний... Неужели это действительно неизбежно?

Но руки Сыту, лежащие на его плечах, дали ему надежду, как утопающий хватается за соломинку. Это не было безумием, это был единственный выход.

В одно мгновение мысли каждого человека уже совершили тысячу оборотов. В каждом сердце была своя партитура, и теперь каждый играл свою мелодию.

Цзинь Хэмин провёл всех внутрь отдельного двора, где сначала были распределены комнаты.

Десять дворов были расположены в десяти частях огромного сада, на значительном расстоянии друг от друга, без явного деления на главные и второстепенные, за

исключением цвета черепицы на крышах...

Здесь также можно было увидеть внимательность Цзинь Хэмина. Десять крыш, десять цветов. Например, крыша второго принца была жёлтой, у Сыту — чёрной.

Комната Хуан Баньсяня находилась рядом с комнатой Сыту. После того как Цзинь Хэмин ушёл, Сыту приказал перенести кровать Хуан Баньсяня в свою комнату.

Это был приказ, отданный инстинктивно. Если бы вы спросили Сыту, зачем он это сделал, он бы не смог объяснить. Или, скорее, он даже не задумывался об этом... Какая разница, если бы он понял?

Когда всё было устроено, Сыту посмотрел на Хуан Баньсяня рядом с ним и спросил с улыбкой:

— Книжный червь, все уже ушли, ты можешь отпустить меня?

Хуан Баньсянь только сейчас заметил, что он всё это время крепко держался за угол одежды Сыту, словно боясь, что его схватят.

В этот момент снаружи снова раздался звук карет. Видимо, прибыли остальные. За вчерашний и сегодняшний день все десять групп должны были собраться. Сыту приехал поздно, и, вероятно, некоторые уже успели поселиться.

Вскоре пришли сообщить, что сегодня вечером в центральном саду отдельного двора будет устроен пир, на котором госпожа Цзинь Сиюнь выйдет познакомиться со всеми.

Сыту, только что увидев лицо Цзинь Хэмина, подумал: «Насколько же красивой должна быть мать, чтобы компенсировать такую внешность отца... С этой госпожой Цзинь... будет сложно».

Его взгляд снова упал на двор, где на каменной скамье под наклонным солнцем, прислонившись к старой сосне, сидел юноша, листающий книгу...

После недавнего напряжения он, похоже, успокоился, снова обретя тот отрешённый вид, который был у него при первой встрече. В его глазах была лёгкая отстранённость, на лице не было эмоций... Возможно, только когда его дёргали за волосы, он выглядел как живой человек... Эх, быть небожителем тоже нелегко.

Му Лин у ворот двора вместе с Цзян Цином расставлял людей для ночного дежурства. Обернувшись, он увидел эту сцену: Сыту спокойно сидел на ступеньках и смотрел на юношу во дворе. Он не мог не почувствовать удивление... Сыту редко сидел спокойно.

Наступил вечер, зажглись фонари.

<http://bllate.org/book/15274/1348286>